

Максим Горький

Старый год

Максим Алексеевич Горький

Старый год

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=170456

М. Горький. Собрание сочинений в тридцати томах: Государственное издательство художественной литературы; Москва; 1949

Аннотация

Впервые напечатано в «Самарской газете», 1896, номер 1, 1 января, в разделе «Маленький фельетон».

В собрания сочинений не включалось.

Печатается по тексту «Самарской газеты».

Старый год

Сказка

В последний день своей жизни Старый Год – пред тем возвратиться к Вечности – устраивает нечто вроде торжественной встречи своему преемнику – он собирает пред своё лицо все человеческие Свойства и беседует с ними до двенадцати часов – до рокового момента своей смерти, до момента рождения Нового Года.

Вот и вчера было так же – вечером в гости к Старому Году стали собираться странные и неопределённые существа, – существа, чьи имена и формы известны нам, но чьи сущности и значения для нас мы ещё не можем представить себе ясно.

Раньше всех пришло Лицемерие под руку со Смирением, за ним важно выступало Честолюбие, почтительно сопровождаемое Глупостью, а вслед за этой парой медленно шла величественная, но истощённая и, очевидно, больная фигура – это был Ум, и хотя в его глубоких и пронизательных очах много сверкало гордости собой, но ещё более было в них тоски о своём бессилии.

За ним шла Любовь – полураздетая и очень грубая женщина, с глазами, в которых было много чувственности и ни искры мысли.

Роскошь, следуя за ней, предупредждающим шёпотом говорила:

– О Любовь! Как ты одета! Фи, разве такой костюм соответствует твоей роли в жизни?

– Ба! – откликнулось Суемудрие, – чего вы хотите от Любви, сударыня? Вы всегда были и всё ещё остаётесь романтической, вот что-с скажу. По мне – чем проще, тем яснее, тем лучше, и я очень доволен, что мне удалось сорвать с Любви покровы фантазии, в которые её одевали мечтатели. Мы живём на земле, она тверда, и цвет её грязен, а небеса так высоки, что никогда между ними и землёй не будет ничего общего! Не так ли?

А сама Любовь молчала – язык её давно уже почти нем, нет у неё прежних пылких слов, её желания грубы, и кровь жидка и холодна.

Явилась также Вера – разбитое и колеблющееся существо. Она кинула взгляд непримиримой ненависти в сторону Ума и незаметно скрылась от его очей в толпе, пришедшей к Старому Году.

Потом за нею мелькнула, как искра, Надежда, мелькнула и скрылась куда-то.

Тогда явилась Мудрость. Она была одета в яркие и лёгкие ткани, украшенные массой фальшивых камней, и насколько ярок и блестящ был её костюм, настолько сама она была темна и печальна.

И вот пришло Уныние, и все почтительно поклонились

ему, потому что оно в чести у Времени.

Последней же пришла Правда, робкая и забитая, как всегда, больная и печальная, она, тихо и не замеченная никем, прошла в угол и одиноко села там.

Вышел Старый Год, посмотрел на своих гостей и усмехнулся усмешкой Мефисто.

– Здравствуйте и прощайте! – заговорил он. – Прощайте потому, что я умираю, как то предписано Судьбой. Я смертен, и я рад, что смертен, ибо, если б время жизни моей продолжилось хотя на день один, – не вынес бы я тоски бледной жизни моей. Так скучно жить всегда, имея дело только с вами! Искренно жалею вас – вы бессмертны. И за то ещё жалею, что в день рождения моего все вы были более сильны, свежи и цельны, чем сегодня, в день смерти моей. Да, я искренно жалею вас – все вы страшно истасканы людьми, обесцвечены ими, измельчены, и все вы так близки друг другу в общем вашем уродстве. И это вы-то – человеческие Свойства? Вы – без сил, без цвета, без огня! Жалею вас и людей.

И Старый Год усмехнулся и потом снова, осмотрев гостей, спросил у Веры:

– Вера! Где сила твоя, двигавшая людей на подвиги и одухотворявшая жизнь?

– Это он ограбил меня! – глухо сказала Вера, показывая в сторону Ума.

– Это я ей обязан тем, что до сей поры люди всё ещё уверены в моём могуществе. В борьбе с ней я растратил лучшие

силы мои! – гневно откликнулся Ум.

– Не ссорьтесь, несчастные! – снова бесстрастно улыбнулся умирающий Старик и, помолчав, сказал ещё: – Да, страшно бледны и изжиты все вы. Как, должно быть, тошно быть человеком и иметь с вами дело день за днём в течение многих лет? Кто это там утвердительно качает головой? А, это ты, Правда! Ты всё такая ж... не в чести у людей... Ну, что же?.. Прощайте, бывшие спутники мои. Прощайте, мне нечего больше сказать вам... Но... среди вас я не вижу кого-то? Да? Где же Оригинальность?

– Её давно уж нет на земле, – робко ответила Правда.

– Бедняга земля! – пожалел Старый Год. – Как скучно ей! Жалки и бесцветны люди, если они потеряли оригинальность дум, чувств, поступков.

– Они даже костюма не умеют себе создать такого, который хотя бы несколько скрашивал уродство их форм, лишённых древней красоты, – тихо пожаловалась Правда.

– Что с ними? – задумчиво спросил Старый Год.

– Они потеряли желания и остались жить только с похотями... – объяснила Правда.

– Разве они тоже умирают? – изумился Старый Год.

– Нет, – сказала Правда. – Они ещё живут. Но как живут? Большинство по привычке, некоторые из любопытства, а все – не отдавая себе отчёта, зачем именно живут.

Старый Год холодно засмеялся.

– Пора! Ещё минута, и пробьёт мой час – час моего освобождения от жизни. Уходя, я немного скажу... Я существовал и нашёл, что это очень грустно. Прощайте же ещё раз и последний. Жалею я вас, жалею, что вы бессмертны и что вам недоступен покой. Сын Времени – я бесстрастен, но всё же жалею я вас и людей. Первый удар! Два...

Что это?

Ударив дважды – часы остановились бить.

В изумлении все взглянули на них, и странное увидели они.

Некто, с крыльями на голове и на ногах, стоял у часов, прекрасный, как один из богов Эллады, и, придерживая рукой минутную стрелку часов, смотрел в очи Старого Года, угасавшие в предчувствии смерти.

– Я – Меркурий и послан сюда от Вечности, – сказал он. – Она сказала – зачем Новый Год ветхим людям? Скажи им, что Нового Года не будет до рождения новых людей. Останется с ними тот, что уже был, – пусть он переоденется из савана в платье юноши и живёт.

– Но это пытка! – сказал Старик.

– Останешься ты! – непреклонно повторил Меркурий. – И доколе люди не обновят дум и чувств своих, ты останешься с ними, Старик! Так сказала Вечность, – живи!

И он исчез – посланник Вечности... И, когда он исчез, часы бросили в тишину изумления десять глухих ударов.

И Старый Год, умиравший с торжеством, остался снова

жить с Унынием, скорбно улыбавшимся в его морщинистое лицо.

Тихо и печально расходились гости Старого Года.

И Надежда, уходя, – молчала, а Лицемерие, выражая на лице своём скорбь, заигрывало с Суемудрием, говоря с ним что-то об Уме, что-то о Терпении, и, говоря, всё боялось, как бы Уныние не подслушало речей его и не выразило ему порицания за его речи.

И, наконец, все ушли.

Остался только Старый Год, уже переодевшийся в платье Нового, да Правда – всегда и везде последняя!